

Москва

С. ГЕХТ

ЕДИНАЯ, ВЕСЕЛАЯ И БЕССТРАШНАЯ

Снова встали на защиту родной Одессы мои земляки. Вижу я среди них и табачников с Малой Арнаутской. Совсем недавно побывал я там снова — на большой табачной фабрике, принадлежавшей некогда прокурору Попову, а затем — купцу-талмудисту Гурарию, кичившемуся тем, что он выдавал на паху еврейским рабочим мацу. Это не мешало им говорить, что талмудист Гурарий — такая же собачья душа, как и прокурор Попов. Исцугавшись котовцев, Гурарий бежал за границу.

По моей просьбе секретарь парткома работница Негудыхата созвала старых рабочих. Вспоминали о том, как белогвардейцы, собираясь под нажимом войск Котовского покинуть город, попытались вывезти со складов фабрики все запасы турецких табачков, как рабочие решили отстоять во что бы то ни стало фабрику от разграбления и соорудили в центре города, на углу Пушкинской и Малой Арнаутской, солидную крепость.

Фабрика была осаждена, осада длилась несколько дней. Давно кончились все запасы хлеба, начался голод. Молодые набивальщицы пекли для защитников фабрики коржи из клеевой муки. Потом кончилась и клеевая мука.

Крошительщик Вознюк предложил сделать вылазку за продовольствием. Он вылезал сам перелезть под огнем юнкерского пулемета через забор, но, держа его жизнью, рабочие решили подождать. Они ходили по двору, бледные и зеленые от голода, а набивальщицы тем временем обшаривали все углы, надеясь раздобыть еще немного клеевой муки.

...В этом месте воспоминаний все рабочие рассмеялись. Было и приятно и забавно вспомнить, как одна из набивальщиц вдруг обнаружила в квартире Гурария большой мешок с первосортной пшеничной мукой, предназначенной для мацы. Не прошло и десяти минут, как женщины приготовили из нее прекрасную лапшу, поразившую всех своей белизной. Эту мацу ведь должен был есть сам Гурарий и его семья.

Снова встали на защиту родной Одессы мои земляки. Вижу я среди них и пересыпских рабочих, слесарей и токарей с завода имени Октябрьской революции. Помните, товарищи, как еще недавно тайно, в качестве интуриста, приехал в Одессу бывший хозяин завода немец Ген? Он долго шатался у заводских ворот, замечая, как выросло его маленькое предприятие. Небольшие сельскохозяйственные мастерские превратились в гигантский завод с новыми цехами, клубом, парком, — и постаревший, потускневший Ген (вы его узнали, но сделали вид, что не узнаете) никак не мог понять, где было, собственно говоря, его предприятие. Возможно, что он торчит теперь в румынском обозе, надеясь присвоить себе то, что создано за эти годы вашим трудом, вашим умом и талантом. Но разве не вы гнали в 1918 году немцев из Одессы, не вы ли с торжеством глядели на то, как в то лето алено небо над Пересыпью и Бугаевкой — взлетали на воздух немецкие склады с артиллерийскими снарядами и динамитом.

Я знаю, какой единой, веселой и бесстрашной может быть наша Одесса, которая не давала засиживаться у себя ни-

каким иноземцам. Гордясь тем, что в их прекрасном городе жили и творили Пушкин и Горький, что Гоголь руководил постановкой в Одесском театре «Ревизора», что Чайковский дирижировал тут «Пиковой дамой», что с Одессой связаны имена Н. Пирогова, С. Сеченова и И. Мечникова, одесситы умеют отвоёвывать свою гордость. Единые в своей любви к городу, рабочие и интеллигенты, сотрудники Лысенко и ученики Столярского, ассистенты Филатова и железнодорожники с Ближних и Дальних Мельниц, вы готовились — и готовитесь сейчас — отпраздновать через три года столетие десятилетия со дня основания Одессы. Встречаясь с вами на Джутовой фабрике, где до сих пор помнят выступления Багрицкого, или в доме учителя на воскреснике интеллигенции, где мы вспоминали историю Дюковского сада, который наши одесситы в один холодный зимний день, не обращая внимания на пулеметы оккупантов, целиком увезли на тележках и салазках, а потом, когда были изгнаны все иноземцы, опять возродили сад, и он снова величественно шумит кронами акаций и платанов и сверкает серебром прудов, — встречаясь с вами, мои земляки, мы говорили о том, какая книга должна быть выпущена к столетие десятилетнему юбилею.

Говорили о том, что надо рассказать о тех, чьими именами названы одесские улицы. Это имена защитников города и революции; с какой любовью произносили мы обычно: улица Мицкевича, улица Старостина, улица Хворостина, Чижикова, Жанны Лябурб, Ласточкина, Островидова, Хмельницкого. Один из них был рабочим, другой — сыном адвоката, третий — священником, и многие из них отдали свою жизнь, чтобы отстоять свой родной город и революцию. И вот снова шумит история. Время перелистывает самую славную страницу Одессы. Прозвучали на всю страну имена новых героев, изумительных защитников Одессы, — Иова Бегельфера, Митракова, Ламзина, Зиновьева, — каждый день мы узнаем все новые имена.

Настает 1944, юбилейный год. Книга, посвященная столетие десятилетней истории Одессы, будет выпущена. Все будет в этой книге — и рассказ о респирите Екатерины, и описание старинных зданий, связанных с началом города, например, дворца графа Раумовского за Водяной Балкой, и страшная повесть о чуде, некогда привезенной в город контрабандистами, и воспоминания современников о любви Пушкина к Ризнич, и эпопея броненосца «Потемкин», и летопись изгнания всех иноземцев, и биографии тех, чьими именами названы сейчас одесские улицы. Будет в этой обширной книге и рассказ о тех, кто, готовясь к юбилею родного города, защитил его и отстоял от германских и румынских фашистов, и последняя эта глава будет самой значительной и величественной, так как все — и сотрудники Лысенко, и ученики Столярского, и ассистенты Филатова — расскажут в ней не только о своих трудах по яровизации, по пересадке роговицы и овладению виртуозными этюдами Паганини и Листа, но и о том, как они утопили врага в Черном море и в узких естественных лиманах, окружающих город. Прекрасен будет день юбилея нашего города, земляки!